ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ
Дело чести генерала Грязнова
ВОЗВРАЩЕНИЕ ТУРЕЦКОГО

Фридрих Евсеевич Незнанский

Дело чести генерала Грязнова

Серия «Возвращение Турецкого»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4970364
Незнанский Ф. Е. Дело чести генерала Грязнова: Роман : Олимп: Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-7390-2452-7, 978-5-271-42638-4, 978-5-271-42639-1, 978-5-7390-2531-9

Аннотация

Завершая свою работу в Уссурийской тайге в качестве егеря-охотоведа, генерал милиции в отставке Вячеслав Грязнов становится свидетелем ряда нераскрытых тяжких преступлений. Следы ведут старого сыщика в колонию… В опасном для жизни расследовании убийств другу помогает Александр Турецкий, обнаруживающий в Москве «концы» преступных цепочек.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 23
Глава 3 29
Глава 4 47
Глава 5 64
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Фридрих Незнанский
Дело чести генерала Грязнова

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2009
© Оформление. ООО «Издательство Астрель», 2009

Глава 1

Если бы генерал милиции Грязнов не отдал двадцать лет жизни Московскому уголовному розыску, за годы работы в котором его интуиция отшлифовалась до совершенства, тогда, возможно, то состояние надвигающейся беды, которое не покидало его все последнее время, он отнес бы к возрастной ломке неудовлетворенного жизнью пятидесятилетнего мужика, добровольно променявшего сумасшедший московский ритм и блага столичной жизни на нелегкую лямку главного охотоведа зверопромхоза «Пятигорский». Однако интуиция продолжала держать его в состоянии ежеминутного напряжения, и он мог только догадываться, что за всем этим кроется нечто более глубинное, чем примитивные жизненные неурядицы. Одной из таких «неурядиц», свалившихся после Нового года на Пятигорье, был второй инфаркт генерального директора Полуэктова, который смог удержать зверопромхоз на плаву даже в шальные девяностые годы. И сейчас, когда, казалось бы, жить да радоваться, получая многомиллионные прибыли от продажи пушнины на международных аукционах…

Но как только Полуэктова положили в краевую больницу, на его место тут же был поставлен коммерческий директор Яков Моисеевич Ходус, еще год назад навязанный Полуэктову Москвой. Между главным охотоведом хозяйства и но-

вым генеральным директором продолжали оставаться вроде бы совершенно нормальные рабочие отношения, но интуиция подсказывала, что это ненадолго, и именно с приходом Холмса в хозяйстве стало твориться что-то закулисно-непонятное. Однако Грязнов не мог понять, что именно, и от этого своего бессилия злился на себя еще больше.

И если весь последний месяц он еще хоть как-то уходил от тревожно-навязчивых мыслей, мотаясь по последнему снегу до заимок, то с наступлением весны, которая лавиной солнца обрушилась на тайгу, обнажив по южным сторонам сопок темные проталины, уже не находил себе места в предчувствии первого звонка.

Знать бы только, с какой стороны его ждать, этот самый «первый звонок».

Подобное состояние нервозности давило на психику, и, чтобы хоть как-то нейтрализовать его, Вячеслав Иванович заворачивал после работы в небольшой магазинчик, уютно пристроившийся напротив внушительного размерами деревянного сруба, в котором уже полвека размещалась контора хозяйства, и брел в свою берлогу со спутниковой «тарелкой» на крыше. Растопив печь, включал телевизор и уже под его бормотание начинал готовить холостяцкий ужин. Размораживая котлеты из медвежатины, ставил на плиту кастрюлю с супом из куропаток или же бросал в кипящую воду пару-тройку горстей ручной лепки пельменей, которыми была забита морозильная камера. А потом, настрогав «для аппе-

титу» свежезамороженной оленины или строганинки из той рыбки, что Бог послал, садился к столу и разворачивался лицом к телевизору. Закусывать любил черемшой собственного посола да маринованными маслятами, бочонок которых хранился в «холодных» сенях рядом с таким же бочонком квашеной капусты.

…Майским вечером он купил по пути домой бутылку водки, в довесок к ней большую пачку крупнолистового черного чая и, пожалуй, впервые за все годы изменил своей привычке – вскрывать бутылку уже после того, как в печи схватятся огнем березовые полешки, а на столе будет исходить паром только что приготовленный ужин. Весь день его изматывало состояние непонятной тревоги, и Грязнов, едва переступив порог и сбросив в сенях грязную от весенней распутицы обувку, сорвал с бутылки нашлепку и наполнил бочкообразный стопарь. Крякнул, поставив пустую стопку на стол, и уже чисто автоматически потянулся рукой к телевизору.

Стаскивая через голову водолазку, прислушался, о чем говорил телеведущий.

– Новости Хабаровского края. ЧП в Боровске.

Грязнов насторожился. Небольшой, по московским меркам, затерявшийся в дальневосточной тайге поселок городского типа являлся административным центром Боровского района, и все те напасти, что случались в этом, казалось бы, Богом забытом городишке, день-два спустя аукались даже в такой таежной глухомани, как Пятигорье. А тут вдруг… ЧП!

– Как передают наши корреспонденты, – вещал между тем телеведущий, – в Боровской колонии номер семь предотвращена попытка вооруженного бунта среди заключенных. Однако, несмотря на все усилия администрации и личного состава колонии, предотвратить кровопролитие не удалось, уже есть жертвы. По крайней мере нам достоверно известно об одном убитом, не говоря о раненых. И как только что было подтверждено телефонным звонком из Боровска, погибший – начальник семерки, полковник внутренних войск Чуянов.

Все, о чем говорил телеведущий дальше, Вячеслав Иванович практически не слышал. Уши будто заложило ватой, и он тупо смотрел на экран телевизора, веря и не веря услышанному.

Чуянов… Евдоким!

Этого не могло быть просто потому, что в случившееся невозможно было поверить.

С Чуяновым он познакомился еще в те далекие, казалось бы, времена, когда Евдоким тянул нелегкую лямку лагерного «кума» в колонии строгого режима в Челябинске, потом они встречались еще несколько раз, как-то незаметно сдружились, и когда он, генерал Грязнов, принял решение распрощаться с Москвой и оперативной работой, только Евдоким Чуянов понял его состояние и предложил какое-то время пожить в таежном селении, подальше от мнимой цивилизации, дабы привести в порядок свое душевное состояние, не говоря уж о нервах. Он же договорился с Полуэктовым,

чтобы тот взял «московского генерала» на должность охотоведа зверопромхоза «Пятигорский». Должность хлопотную, требующую максимальной отдачи, что, собственно, и спасло Грязнова от самоистязания и душевных мук, которые изводили его после гибели Дениса, его племянника, в которой он винил только себя.

И ведь совсем недавно, три месяца назад, они оба радовались переводу Евдокима в боровскую «семерку», благо, от Боровска до Пятигорья два часа хода на машине.

Во все это невозможно было поверить, и Вячеслав Иванович с силой тряхнул головой, сбрасывая с себя оторопь. Словно из тумана, донеслись слова:

– Наш корреспондент пытается связаться с руководством краевого управления по исполнению наказаний, и мы надеемся, что уже к следующему выпуску новостей мы сможем рассказать вам не только о том, что же в действительности произошло в Боровске, но и услышать комментарий произошедшего от руководителей УИНа. Оставайтесь на нашем канале.

Грязнов покосился на экран телевизора, словно надеялся, что телеведущий прочтет сейчас еще одну ленту, вдогонку к первой, и скажет, что известие о гибели хозяина боровской «семерки» оказалось ложным, и он вовсе не убит, а всего лишь получил скользящую рану от удара железным прутом по голове. Однако ведущий уже запустил в эфир краевую хронику происшествий, и Вячеслав Иванович с непонятной

самому себе ненавистью выключил телевизор.

Почувствовав, как снова что-то непонятно-холодное и колкое шевельнулось в груди, он с силой растер то место, где прослушивалось сердце.

Пытаясь собраться с мыслями и понять, что же такое могло произойти в боровской «семерке», Грязнов опустился на стул, но, понимая, что без дополнительной информации так и будет мыкаться в потемках, достал с книжной полки телефонный справочник и уже чисто интуитивно остановился на телефоне дежурного краевого Управления внутренних дел. Пока набирал нужный номер, уже чисто профессионально смоделировал ситуацию, которая могла сложиться сейчас в управлении, и как только в трубке раздался голос дежурного, попросил соединить его с Юнисовым.

– Полковник Юнисов на выезде.

В общем-то, этого и следовало ожидать, но все-таки Вячеслав Иванович не выдержал и спросил:

– Простите, он сейчас в Боровске?

– Повторяю, полковник Юнисов в настоящее время находится в командировке, – уже несколько раздраженно и в то же время настороженно «пояснил» дежурный. И, в общем-то, он был прав.

Однако только Олег Юнисов, возглавлявший Хабаровский УБОП, мог бы прояснить ситуацию в «семерке», и Грязнов уже более напористо произнес:

– Я все понимаю, капитан, но мне действительно нужен

сейчас Олег Павлович Юнисов.

– Он действительно на выезде! – повысил голос дежурный. – А кто его спрашивает?

– Генерал Грязнов!

В телефонной трубке послышался глухой кашель, словно у дежурного по управлению запершило в горле:

– Простите, товарищ генерал, но я действительно не могу соединить вас с Юнисовым.

О знаменитом генерале Грязнове, который в силу каких-то причин променял столичную жизнь и генеральские погоны на затворническую жизнь охотоведа, знал едва ли не каждый уважающий себя опер, и поэтому не удивительно, что у дежурного изменилось отношение к подозрительно настырному клиенту.

– Он сейчас в Боровске? – повторил вопрос Грязнов.

– Да.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарил Грязнов. – Но если можно… Там, что… настолько все серьезно, как сказали по телевизору?

– Не знаю, пока ничего не знаю. Но то, что убили начальника колонии – это факт.

«Убили… начальника колонии… факт».

Вячеслав Иванович вдруг почувствовал, что у него опять заложило уши, и он опустил на рычажки трубку.

Известию уже невозможно было не верить, и от осознания этого для него словно остановилось время.

Понимая, что в подобном состоянии можно додуматься по чего угодно, Грязнов заставил себя внутренне встряхнуться и, когда почувствовал, что способен более-менее адекватно реагировать на окружающее, поднялся со стула, чтобы вновь включить телевизор.

С экрана продолжали вещать о достижениях краевого агропромышленного комплекса, и он вышел на крыльцо, на котором, свернувшись клубком, лежал Агдам. При виде хозяина он приподнял морду и, словно проникшись его состоянием, негромко заскулил. У Грязнова дрогнули уголки губ, и он потрепал Агдама по холке.

Прошибла навязчивая мысль, от которой он невольно содрогнулся.

Такая собака, как Агдам, просто так скулить не будет. Точно так же он скулил и в ту ночь, когда увезли в краевую больницу Полуэктова…

Сначала Полуэктов с обширным инфарктом, от которого он уже вряд ли оправится, теперь вот – Чуянов, и вдобавок ко всему непрекращающееся ощущение надвигающейся опасности… возможно даже, какой-то страшной беды.

Впрочем, попытался осадить он сам себя, все эти его мысли и предчувствия – обычная самоедская накрутка от того внутреннего состояния, которое не отпускало его с того самого дня, как сломалось сердечко Полуэктова. Хотя, казалось, сноса мужику не будет, а оно вон как вышло.

Вспомнив Полуэктова, которому он был обязан тем, что

смог восстановиться и душой, и телом в этой таежной глухомани, Вячеслав Иванович присел на теплую еще ступеньку и, когда на его колени опустилась голова Агдама, негромко произнес, застыв взглядом на ярких звездах, зависших над селом:

– Ничего, паря, прорвемся. И нашего с тобой Иван Иваныча вытащим.

Агдам понимал его, как никто другой. Перестал скулить и лизнул руку теплым, шершавым языком.

Этого упитанного, породистого щенка от сибирской лайки Полуэктов принес еще прошлым летом, когда Грязнов захандрил от приступа непонятной, казалось бы, тоски после того, как у него побывал в гостях Александр Борисович Турецкий. С какой-то нежной осторожностью, присущей только очень крупным, медвежеподобным мужикам, Полуэктов опустил щенка на дубовую половицу, которую тот тут же описал, и деловито, как и подобает директору, пробасил, выставляя на стол две бутылки столь любимого им «Агдама»:

– Дарю от своего приплода. А то негоже как-то – главный охотовед, а своей собаки не имеешь. И поверь, этому писуну, когда подрастет, цены не будет.

Директор даже спрашивать не стал, нужна ли Грязнову охотничья собака. Принес – и все тут. Только и того, что поинтересовался, откупоривая бутылки и разливая душистый, как забродившее по весне овощехранилище, портвейн по стаканам:

– Как назвать думаешь?

– А так и назову, – хмыкнул Грязнов, беря одной рукой наполненный стакан, а другой почесывая щенка за ухом: – Агдамом.

Вспомнив события прошлого лета и то, как он натаскивал уже заматеревшего Агдама на боровую дичь и на медведя, Вячеслав Иванович вдруг почувствовал, что уже нет той сосущей боли в грудине, и потрепал Агдама по мощному загривку.

– Ничего, паря, ничего. Разберемся.

Покосившись на лесистую сопку, над которой, словно черпак огромного экскаватора, завис ковш Большой Медведицы, мысленно прикинул, сможет ли его мобильник прорваться из Пятигорской котловины в Боровск, и вернулся в дом. Нашел в записной книжке телефон Юнисова и, пока шел сигнал, молил Бога, чтобы все сложилось как надо. Даже мысленно перекрестился, когда услышал приглушенный баритон Юнисова.

– Олег Павлович? Грязнов беспокоит. Я тут по телевизору…

Однако Юнисов не дал ему договорить.

– Вячеслав Иванович, добрый вечер. Хотя какой он, к чертям, добрый! Только что о вас с генералом вспоминали. Он еще спросил меня, звонил ли я вам.

«Генералом» Олег величал начальника Краевого управления УВД генерала Максимова, который был в курсе всех

передряг, накрывших в свое время генерала Грязнова, и не единожды предлагал ему вполне достойное место в системе краевого УВД.

– А какое тут – «звонил»? – плакался в жилетку Юнисов. – Когда?..

И замолчал, видимо догадываясь, что Грязнов уже в курсе всего того, что произошло в боровской «семерке».

– Да, я в курсе. По телевизору в «Новостях» сказали, да и дежурный по Управлению подтвердил… – Он откашлялся, чувствуя, как запершило в горле: – Что, настолько все серьезно, что Евдокиму уже нечем было помочь?

– Пока ничего конкретного сказать не могу. Но как только прояснится…

– Может, моя помощь потребуется? – посчитал нужным спросить Грязнов. – Слышал, будто в боровской «семерке» не только хабаровчане, но и москвичи не на последних ролях.

– Не знаю, – поспешил урезонить его пыл Юнисов, – пока ничего не знаю. Единственно, что могу сказать точно, это то, что самое опасное удалось подавить в зародыше и сейчас в «семерке» проводят зачистку.

– Ясно, – подытожил Грязнов, повидавший за годы оперативной работы не один бунт на зоне. – Московское начальство еще не подъехало?

– Рановато, вроде бы. Но скоро ждем. Кое-кто из наших уже штаны запасные с собой прихватил.

– Ожидаются серьезные разборки?

– Судя по всему, да.

– В таком случае, не буду тревожить, но превеликая просьба: как только что-нибудь прояснится, позвони.

В тот вечер Грязнов лег спать позже обычного. Однако сон не шел, и он, сунув ноги в мягкие тапочки из оленьей шкуры, прошел на кухню. Наполнил чайник и, дожидаясь, когда вскипит вода, неподвижным взглядом уставился в окно, за которым далеким совиным уханьем проживала свою жизнь короткая майская ночь.

Уткнувшись лбом в холодное стекло, он смотрел в ночь, а перед глазами стоял Евдоким Чуянов, с которым, казалось бы, совсем недавно они пили за этим же столом разведенную томатным соком водку.

Еще в ноябре прошлого года Чуянов отправил в Москву, в ГУИН, рапорт с просьбой о переводе в систему Управления по исполнению наказаний по Хабаровскому краю, где он родился и вырос, где остались его корни и где ему будет легче справиться с той душевной тоской и непосильным одиночеством, что обрушились на него после смерти жены. После того как от рака легких ушла из жизни его Зинаида, он возненавидел Челябинск, заводские трубы которого ассоциировались в его сознании с трубами исполинского крематория, и только в своих родных местах он надеялся вновь обрести себя.

Его поняли в ГУИНе и пошли навстречу. Даже более то-

го, ему было предложено две должности на выбор: непосредственно в краевом Управлении по исполнению наказаний и должность начальника колонии в родном для него Боровске, на место полковника Доменко, который после инсульта уже не смог вернуться в строй. Евдоким Чуянов выбрал второе, однако это назначение не могло не встревожить Грязнова.

Боровская «семерка» хоть и считалась «красной», то есть балом на зоне правили не зэки, а администрация колонии, однако Грязнов, сумевший навести по своим собственным каналам кое-какие справки, имел все основания считать ее проблемной.

В «семерке» назревал конфликт между братьями-славянами и «лицами кавказской национальности», что было страшно само по себе, и это в то время, как теперь уже бывший хозяин «семерки» из кожи лез, чтобы представить колонию воплощением правопорядка, демократичности и спокойствия. И в этой ситуации еще неизвестно было, как встретят нового хозяина не только оба крыла российской преступности, но и офицеры колонии, надеявшиеся на кадровые передвижки с естественным повышением по службе.

Хотя Евдоким и пребывал в приподнятом состоянии эйфории, когда они втроем – Полуэктов, Чуянов и Грязнов – отмечали «возвращение блудного сына», однако он не мог просто так отмахнуться от того, что рассказал Грязнов. Ему ли было не знать, что нет ничего страшнее на зоне, когда вдруг вспыхивают, разгораясь в яростный костер, межнаци-

ональные или межрелигиозные конфликты, притушить который удается порой только пожарными брандспойтами с ледяной водой да автоматными очередями поверх голов осатаневших от взаимной ненависти зэков. За те годы, которые он отдал поначалу советской, а потом уж и российской зоне, пройдя нелегкий путь от начальника отряда в «малолетке» до хозяина колонии строгого режима, он познал все скрытые пружины, которые то стремительно сжимаются, то столь же стремительно разжимаются на каждой зоне, будь она трижды черной или десять раз красной.

Восстанавливая в памяти тот разговор в хабаровском ресторане, Грязнов вспомнил, как Евдоким только спросил, прищурившись: «Это ты через кого наскреб-то?»

«Да как тебе сказать… хоть я и отставной генерал, но каналы пока остались».

«И ты ручаешься, что твоя информация точная?»

Вячеслав Иванович вспомнил, что в ответ лишь плечами пожал. Как, мол, можно поручиться за любую информацию, тем более информацию, полученную обводными путями?

«В таком случае будем считать ее непроверенной, – подвел черту Евдоким. – К тому же, друг мой Славка, не так уж страшен черт, как его малюют».

«И все-таки…» – попробовал было вставить свое слово и Полуэктов.

Однако Евдоким только головой качнул и произнес, поднимая рюмку: «Все в порядке. Зона под контролем. Разбе-

ремся».

Вячеслав Иванович еще не знал, как и почему погиб Чуянов, однако в его памяти, словно заезженная пластинка, крутилось одно и то же слово – «разберемся».

Вот и разобрался…

И в том, что Евдоким нашел свою смерть именно на боровской зоне, генерал милиции Грязнов винил теперь и себя. Пожалуй, именно себя в первую очередь. Ведь была информация о том, что «семерку» лихорадит и в ней не так уж все и гладко, как хотелось бы представить ее бывшему «хозяину». А он, Грязнов, вместо того, чтобы «прокрутить» выданную ему информацию еще разок, пошел на поводу у Евдокима, который впервые, пожалуй, после смерти жены начал улыбаться. И вот – итог…

Вячеслав Иванович достал из холодильника бутылку водки, взял с полки две рюмки и, с трудом сдерживая слезы, наполнил сначала одну – для Евдокима, вторую – для себя. Поставил Евдокимову рюмку на тарелочку, рядом положил кусок черного хлеба и только после этого поднял свою рюмку:

– Прости, Евдоким! Тысячу раз прости.

* * *

Юнисов позвонил только во второй половине следующего дня. Извинился, что не смог раньше, впрочем, и без того было ясно, что главному оперу краевого управления внутрен-

них дел все это время было не до вежливых экивоков, и наверняка за все это время он всего лишь часок-другой и смог покемарить.

Не вдаваясь в подробности, коротко и сжато, он рассказал о том, как был убит Чуянов, и тяжело вздохнул, будто оправдывался перед Грязновым. Мол, мы ничем не могли ему помочь, не в наших это было силах.

Похоже, все это было действительно так, и Грязнов вдруг почувствовал, как голова заполняется невыносимой болью. С силой помассировал подушечками пальцев сначала глаза, затем виски. Издалека прорезался баритон Юнисова:

– Вячеслав Иванович, ты меня слышишь?

– Да, конечно.

– Так вот, о чем я говорю. Если вдруг надумал прямо сейчас ехать в Боровск, не советую. В «семерке» уже приступила к работе следственная бригада, и не позже чем через час ждем членов комиссии из Москвы. Так что, сам понимаешь, какая обстановка в Боровске.

Он говорил что-то еще и еще, словно продолжал оправдываться перед генералом, который только мешать будет своим присутствием в Боровске, и Вячеслав Иванович вынужден был прервать его:

– Олег Павлович, я все понимаю. Чай, не дурак. Ты уж лучше скажи мне, когда похороны. Надеюсь, в Боровске к тому моменту уже малость рассосется?

– Да, конечно! – обрадовался Юнисов. – А похороны?..

Точно сказать не могу, но буду звонить.

– И все-таки? – не отставал Грязнов. – Неделя? Дней пять?

– Думаю, что-то около этого. По крайней мере, труп еще здесь, в Боровске, и как только будет заключение судебно-медицинской экспертизы…

– Решили все-таки вскрывать? – перебил Юнисова Грязнов.

– А как же иначе! – то ли возмутился, то ли удивился столь наивному вопросу Юнисов. – Все-таки убийство!

– Да, конечно, – извиняющимся тоном произнес Грязнов. – Что-то у меня совсем шарики поехали.

– Бывает, – согласился Юнисов. – Поэтому, сам понимаешь, пока отправим в Хабаровск, пока вскроют и дадут заключение, да прикинь еще денек-другой на обратную дорогу с хлопотами на кладбище… Думаю, дай-то бог, чтобы в неделю управились.

– М-да, – Вячеслав Иванович пожевал губами, думая о том, насколько все просто в этой жизни. Был человек – и нет человека. Единственное, что осталось, так это дорога в морг, вскрытие да еще хлопоты с похоронами. Вот и не верь после этого философам, которые утверждают, что мир, который нам кажется реальностью, всего лишь призрачное воображение больного разума.

Был человек – и нет человека, как и всего, что мы видим вокруг.

– Но ты все-таки держи меня в курсе, – попросил Грязнов.

нов. – Сам понимаешь, Евдоким для меня был не просто товарищем.

– Господи, о чем разговор, Вячеслав Иванович! – возмутился Юнисов. – Как только что-то прояснится, я тебе тут же перезвоню. Да ты и сам звони на мобильный.

Глава 2

Все расходы по похоронам и поминкам, под которые уже был забронирован небольшой ресторан в центре Боровска, взял на себя УИН, однако в силу каких-то медицинских проволочек, а возможно, и оттого, что в «семерке» еще не закончила работать следственная бригада и единственная на весь город гостиница была переполнена членами «высокой» комиссии из Москвы, гроб с телом Евдокима должны были доставить в Боровский ритуальный зал только на десятый день. И все это время Грязнов мотался по охотничьим заимкам, пытаясь забыться от тех тревожных мыслей, что грызли его. Утром девятого дня, когда надо было бы сходить в церковь да помянуть по православному обычаю «убиенного Евдокима», Вячеслав Иванович накрыл дома скромный поминальный стол и уж было достал из холодильника непочатую бутылку водки, как вдруг ожил стоявший на тумбочке телефон. Звонил Юнисов, и от осознания того, что Олег звонит именно в ЭТОТ день, у Грязнова невольно дернулась щека. Значит не все еще в этом мире так плохо, если не забывали Евдокима Чуянова.

Юнисов был деловит и краток:

– Вячеслав Иванович, а ведь сегодня девять дней.

– Знаю. Вот кутью сварил, чтоб помянуть Евдокима. Приезжай. Вместе и помянем. А завтра утром от меня махнем

прямо в Боровск.

Юнисов хмыкнул, видимо, оценивая предложение Грязнова, однако тут же перевел стрелку на свои рельсы.

– Спасибо, конечно, за приглашение, но я бы хотел предложить другой вариант.

– И что за вариант?

– Помянуть Чуянова в самом Боровске. В кругу его друзей. – Он замолчал было, однако тут же добавил: – Тем более, что у нас к тебе будет свой разговор.

– «У нас» – это у кого? – насторожился Грязнов.

– Видишь ли… разговор не телефонный, – замялся Юнисов, – но если ты принимаешь мое предложение…

Господи, и этот опер хабаровский еще спрашивал, принимает ли его предложение генерал Грязнов!

– Надеюсь, пособишь заказать номер в гостинице? – только и спросил Вячеслав Иванович.

– Уже забронирован.

– В таком случае, считай, я уже в Боровске.

Судя по всему, Юнисов рассчитывал именно на такой поворот, потому что тут же спросил:

– Слушай, Вячеслав Иванович, а у тебя не возникало желания узнать детали гибели Чуянова?

Грязнов какое-то время молчал, наконец, произнес негромко:

– Об этом, как ты сам догадываешься…

– В таком случае, слушай сюда. В «семерке» сейчас новый

кум, правда, пока временно назначенный, и я договорился с ним, что он тебе все покажет и расскажет о деталях убийства. Я буду в Боровске ближе к вечеру, так что ты подъезжай сразу к «семерке», а потом уже жди меня в гостинице. Если что, звони Рябову. Это начальник Боровской криминальной милиции, однокашник и друг Чуянова. У него, кстати говоря, и помянем Евдокима.

– Да, Евдоким знакомил меня с ним. Вроде бы наш человек, – одобрил Грязнов, думая о том, с чего бы это Юнисов настаивал на детальном ознакомлении отставного генерала милиции с деталями убийства. Однако расспрашивать не стал, решив, что вечер утра мудренее.

* * *

В «семерку», которая все еще сидела на жестком карантине, Вячеслав Иванович приехал во второй половине дня. В сопровождении дежурного офицера поднялся на второй этаж административного здания колонии, где его уже ждал сорокалетний майор внутренних войск, временно исполнявший обязанности начальника оперативной части колонии, и тот, коротко и сжато, будто давно уже устал излагать одну и ту же историю, рассказал, как был убит полковник Чуянов. Закончил рассказ и, видимо, из уважения к погонам столичной знаменитости, развел руками. Мол, мы уже ничем не могли помочь ему, не в наших это было силах.

Похоже, все так и было, и Грязнов в который уже раз почувствовал, как невыносимой болью, до помутнения в глазах, раскалывается голова.

Он подошел к окну, за которым утопал в искрящихся лучах солнца лагерный плац для общего построения. Именно здесь, на этом плацу, Евдокима и настиг удар заточкой. Удар в спину. На полпути к барачному строению третьего отряда.

– Может, выпьете чего? – издалека, будто из вязкого тумана, донесся голос лагерного «кума». – Могу предложить коньяк… Водку?

Вячеслав Иванович отрицательно качнул головой. Ни говорить не хотелось, ни пить…

– Но ведь это же дикость! – произнес Грязнов. – Начальника колонии… хозяина… который всего лишь полгода назад принял зону… – Грязнов поднял на майора наполненные болью глаза: – За что?!

– Вот и мы пытались добиться вразумительного ответа на этот вопрос, – устало отозвался майор. – За что? Ведь он же, я имею в виду убийцу, не дурак и не полный дебил. Понимал, надеюсь, на кого поднимает нож! За подобное сами же зэки и наказывают. Причем жестоко наказывают.

– Ну и?..

– Только мычит что-то маловразумительное да руками разводит.

– Выходит, беспричинное убийство? В пылу ярости? – На скулах Грязнова играли желваки.

– Получается, что так.

– И это никому не показалось по крайней мере странным?

Начальник оперчасти пожал плечами: чувствовалось, что ему начинает надоедать этот «допрос». Однако допрашивал хоть и бывший, но все-таки генерал милиции Грязнов, в недалеком прошлом начальник Московского уголовного розыска и замначальника Департамента по борьбе с организованной преступностью, профессиональные интересы которого затрагивали также и российскую зону. И майор вынужден был отвечать. К тому же об этом его попросил не кто-нибудь, а полковник Юнисов, с которым не хотелось портить отношения.

Молчал и Грязнов, пытаясь сообразить, как же это мог подставиться Евдоким? С его-то опытом и знанием зоны… Повернуться спиной к обезумевшему от крови беспредельщику, пусть даже безоружному, это же, по крайней мере… дур… Мысли путались, в голове роилось нагромождение вопросов, которые требовали ответа, и он спросил со скрытом неприязнью в голосе:

– Он из столовой шел? Обедал там?

– Нет, до обеда еще было далеко.

– В таком случае я не понимаю…

– Вы хотите спросить, что он делал в столовой?

– Да.

– Резонный вопрос, – заметил майор. – Однако Евдоким Савельевич взял за правило самолично проверять выполне-

ние норм заложения тех продуктов, что шли на стол спецконтингента, и не было такого дня, чтобы он…

– Один?

– Когда как. Случалось, что и я сопровождал его. Но в тот день, как нарочно…

Голос майора дрогнул, и он развел руками.

Да, в этом был весь Евдоким Чуянов. К осужденным он относился, в первую очередь, как к людям, и, в отличие от новоиспеченного «кума» боровской «семерки», никогда бы не назвал зэка спецконтингентом.

– И кто его? – наконец-то спросил Грязнов.

– Вы хотите спросить, кто тот отморозок?

– Да. Откуда он?

– Хабаровчанин. Ну, а если быть более точным, то это типичный отморозок и беспредельщик. И в том, что он с заточкой в руке бросился на человека в форме…

– Я спрашиваю, кто это был?

Майор пожал плечами. Мол, желаете узнать анкетные данные? Пожалуйста. Только вряд ли они что скажут.

– Калистратов. Дмитрий Калистратов. Статья сто пятая, часть вторая. Пятнадцать лет лишения свободы.

– И где он сейчас?

– Сегодня утром этапировали в Хабаровск.

Глава 3

Уже ближе к ночи за поминальным столом остались только Грязнов с Юнисовым, хозяин дома и Акай Тайгишев, бывший однокашник Чуянова, уже лет двадцать возглавлявший районную охотоинспекцию. Жена Рябова уединилась на кухне с горой грязной посуды. Юнисов взял со стола очередную бутылку водки, разлил ее по стопкам и, обращаясь к Рябову, произнес:

– Ну что, Игорь Викторович, позволь поблагодарить тебя и хозяйку дома за этот стол, за добрую память о Евдокиме, пожалуй, и мы пойдем. Ты как, Вячеслав Иванович?

Грязнов согласно кивнул.

– Да, конечно, пора и честь знать. Тем более, что неплохо бы и выспаться перед завтрашним днем.

– М-да, знал бы, где упасть, соломки постелил бы, – произнес Рябов, ставя пустую стопку на стол. Впечатление было такое, будто он воду пил, а не водку. – Жил человек – и нету. А ведь уже оклемался от смерти жены, когда в Боровск приехал. Я ему еще помогал мебелью обзавестись. Планы разные строил…

– Видать, судьба, – эхом отозвалась появившаяся в дверях Татьяна.

И в этот момент подал голос не очень-то разговорчивый, словно ушедший в себя Тайгишев:

– Оно, конечно, на судьбу да на злой рок все списать можно, и кое-кто из чиновников в погонах именно на это и давить будет, да только лично я не очень-то верю в случайность всего того, что произошло в «семерке».

Над столом зависла гробовая тишина, которую нарушил слегка охрипший басок Рябова:

– Что ж, ты хочешь сказать, что гибель Евдокима?..

– А ты хочешь спросить, не думаю ли я, что это преднамеренное убийство? – Тайгишев покосился на хозяина дома. – Не знаю. По крайней мере, утверждать не берусь. Однако и в тот злой рок, который будто бы навис над семьей Евдокима, не очень-то верю.

– Ну, конечно, – завелся Рябов, покосившись на Юнисова. – Ты у нас – следовик да охотник. Тебе в тайге следы распутать, что мне на асфальт высморкаться. Да только не в тайге погиб Евдоким, а в «семерке», от руки зэка, на территории зоны, где каждый отпечаток ботинка на виду. И прежде, чем в чем-то сомневаться да свои собственные версии городить…

Он не договорил и только рукой махнул, вновь покосившись на Юнисова. Однако Олег, видимо, думал несколько иначе, и когда они втроем распрощались с Рябовыми и уже шли к гостинице, Юнисов спросил осторожно:

– Слушай, Акай, ты действительно не очень-то веришь в то, что гибель Чуянова – случайность?

Тайгишев затянулся «Явой», долго молчал, видимо, обду-

мывая ответ, и наконец произнес неуверенно:

– Честно признаться, даже не знаю, что сказать. Но когда только и слышу в городе про «злой рок» и прочую хренотень… Короче, не то чтобы не верю, но…

– А ты говори, говори! – подбодрил его Грязнов. – Иной раз лучше лишнее сказать, чем таить в себе.

Однако то, что он услышал, заставило его насторожиться, и он искоса наблюдал за реакцией Юнисова, для которого, казалось, рассказ Тайгишева был подтверждением его собственных мыслей.

Оказывается Евдоким, которого Акай вывез как-то в тайгу поохотиться на глухаря, «поплакался» ему в жилетку, что он, мол, совершенно иной представлял «семерку», когда просился в Боровск. И еще он произнес довольно странную фразу, которой Акай поначалу не придал особого значения. Сказано это было у костра, под водочку, но которая всплыла в его памяти, когда он узнал о гибели Чуянова.

«А гнильца-то препаскудная даже сюда добралась, в Боровск. Но ничего-ничего, дай-то бог, управимся и с этой заразой. Не позволю опустить зону».

Опустить зону…

Грязнов две трети своей жизни проработал в уголовном розыске, знал, что может крыться за подобной фразой, и поначалу даже не поверил услышанному.

– Ты… ты точно это помнишь? Он что, прямо так и сказал: «Не позволю опустить зону»?

Тайгишев обиженно, словно по-детски, поджал губы, покосился раскосыми глазами сначала на Юнисова потом перевел взгляд на Грязнова, в котором видел «большого московского милиционера» и начальника.

– Вы уж совсем того?.. За дурака, что ли, меня считаете? – И произнес резко, словно точку поставил: – Подобными словами не бросаются! Тем более, в такой обстановке.

– Ладно, ты уж нас, Акай, извини, – вступился за Грязнова Юнисов. – Сам понимаешь, услышать подобное от Чуянова…

– Да я, в общем-то, ничего, – Тайгишев пожал плечами. – Просто навеяло что-то, вот и припомнился наш костерок.

Грязнов вслушивался в негромкий говорок Тайгишева, а на языке вертелся вопрос, который он не мог не задать:

– Акай, дорогой, ты уж действительно прости меня, но и пойми правильно. Евдоким был мне больше, чем другом. И сейчас, когда его нет… Слушай, а с чего бы это он сказал тебе подобное? Я имею в виду про опущенную зону и прочее. У вас что, разговор такой был?

Тайгишев пожал плечами.

– Да вроде бы поначалу ни о чем особенном не говорили. Так, про охоту да про житье-бытье. Помню, выпили неплохо, после чего чаек заварили. И вот тогда-то я и пожаловался ему, что на наши кедровники фирмачи из «Алтынлеса» нацеливаются. Вы уж знаете, поди, что они производственные мощности Боровского комбината превратили в свою опор-

ную базу, и стоит за этим беспределом голова районной администрации Рогачев Никита Макарович. И вот тогда-то Евдоким и произнес те самые слова о зоне.

Какое-то время он шел молча, видимо, вновь и вновь переваривая тот разговор у костра, но вдруг остановился и с какой-то щемящей тоской в голосе произнес:

– Вспоминаю сейчас тот разговор, а ощущение такое, будто Евдоким эти самые слова уже давным-давно вынашивал в душе, но ему поделиться было не с кем. И когда я рассказал ему про «Алтынлес», про то еще, как глава районной администрации запустил свою лапу в деревообделочный комбинат, превратив его в свою собственную вотчину, он и выплеснул наболевшее.

– Может, он еще кого-нибудь упоминал, кроме Рогачева? – спросил Юнисов. – Может, кого-то из своих подчиненных? Я имею в виду офицеров «семерки».

Тайгишев отрицательно качнул головой, которую украшал аккуратно подстриженный «ежик» черных как смоль волос.

– Нет, врать не буду. Чего не было, того не было. Хотя, помнится, он признался как-то, что у него не очень-то складываются отношения с подчиненными.

Это было уже что-то совершенно новое, по крайней мере, Грязнов обратил внимание на то, как насторожился Юнисов.

– И в чем же оно выражалось? – осторожно, чтобы не вспугнуть разоткровенничавшегося Тайгишева, спросил

Юнисов. – Я имею в виду его отношения с подчиненными.

Тайгишев задумался, почесал пятерней затылок.

– Да как вам сказать?..

– А ты прямо так и говори.

– Ну-у, если вам интересно мое личное мнение… Насколько я мог догадываться, уже само назначение Евдокима на должность начальника «семерки» предполагало назревающий конфликт.

– Конфликт?! – почти одновременно воскликнули Грязнов и Юнисов. Между кем и кем?

– Между ним и его подчиненными.

– Почему? – спросил Юнисов.

Тайгишев остановился посреди улицы и непонимающим взглядом уставился на двух мужиков, которые, как ему, видимо, казалось, должны были сами знать буквально все. Наконец, разжал губы и негромко пояснил:

– Да потому, что прежний хозяин колонии, полковник Доменко, за те двенадцать лет, что рулил «семеркой», сумел сколотить удобную для себя администрацию колонии. Колонии, которая жила и работала по своим собственным понятиям, и естественно, что приход новой метлы, тем более такой метлы, как Чуянов, не мог не вызвать отчуждения и неприятия со стороны тех офицеров и контрактников «семерки», которые полностью сработались за эти годы с Доменко.

Юнисов с Грязновым молчали, и Тайгишев, видимо уже

от самого себя, добавил:

– Я, конечно, утверждать не могу, но насколько мог бы догадываться, кое-кто из замов просто мешал Евдокиму наводить в «семерке» порядок, а порой и просто вставляли палки в колеса.

– То есть, ты хочешь сказать, – уточнил Юнисов, – что Евдоким Чуянов пытался навести должный порядок на зоне, а кому-то это было не в кайф?

– Да, пожалуй, можно сказать и так.

– Послушай, Акай, – тронул Тайгишева за плечо Грязнов, – все, что ты говоришь, очень и очень серьезно. Тебе что, об этом Евдоким рассказал, или все-таки это твои предположения?

Тайгишев снова пожал плечами, словно пожалел, что затеял этот разговор.

– Да как вам сказать?.. О чем-то он сам проговаривался, когда я заезжал к нему домой или брали ружьишко и уходили в тайгу, о чем-то я догадывался. Наш городишко – это все-таки не Москва и даже не Хабаровск, где все живут, ничего не зная друг о дружке. Это Боровск!

Он хотел еще что-то добавить, но они уже подошли к гостинице, в которой еще светилось несколько окон, и Тайгишев сказал, прощаясь:

– А может, все это мне просто причудилось у того же костерка в тайге? Все равно уже Евдокима не вернешь. Так что, до завтра.

Он сделал шаг в сторону своего дома, как вдруг остановился, и было видно, что лицо его вспыхнуло искренней надеждой.

– Может, все-таки, ко мне зайдем? Время-то еще не позднее. Жена мясца поджарит, у меня и выпить найдется. Да и Евдокима еще помянем. Отсель недалеко, с полкилометра, не больше.

Задетый за живое тем, что рассказал Тайгишев, Грязнов покосился на Юнисова, однако тот отрицательно качнул головой.

– Спасибо, Акай. Но в следующий раз обязательно у тебя посидим. А возможно, и в тайгу вместе выберемся. Ты уж прости меня, но, честно признаться, я двое суток не спал. А завтра, как сам понимаешь, надо быть в полной форме.

– Ты что, действительно с ног валишься? – пробурчал Грязнов, недовольный отказом главного хабаровского опера. Он уже и сам стал сомневаться в роковой случайности гибели Чуянова, а неожиданно разоткровенничавшийся Тайгишев мог пролить частичку света на то, каким образом Чуянов мог оказаться лицом к лицу с остервеневшим беспредельщиком, и никто из офицеров или тех же контрактников не пришел ему на помощь.

Среди бела дня! На глазах сотен людей!

О чем и сказал Юнисову.

– А вот это уже хорошо, что ты заинтересовался, – с непонятной язвинкой в голосе отреагировал Юнисов. – А то ведь

я боялся, что и вы, товарищ генерал, «поплывете» завтра от тех речей, что будут сказаны на могиле Чуянова.

– «Генерал», мать твою, – пробурчал Грязнов, не понимая, к чему клонит Юнисов.

– Ладно, не обижайся за «генерала», – буркнул Юнисов, открывая перед Грязновым парадную дверь. – Но я действительно пригласил тебя к Рябову, надеясь загодя, до похорон, поговорить с тобой. Небось, желаешь знать о чем? Отвечаю. И мне, и Максимову не дает покоя эта несуразная гибель Чуянова. Впрочем, не только гибель, но и еще кое-какие нюансы, о которых я надеялся поговорить с тобой чуток позже. А тут как раз Тайгишев со своими выкладками.

Генерал милиции Максимов возглавлял краевое Управление внутренних дел, и тот факт, что он заинтересовался гибелью хозяина боровской «семерки», тогда как уже практически закончилось следствие и убийца был этапирован в Хабаровск, не могло не насторожить Грязнова.

– Ты что же, хочешь сказать, что убийство Евдокима – не просто удар заточкой в спину, а нечто большее?

– Не знаю, пока ничего не знаю. – Юнусов глазами показал на дежурного администратора, который при виде «начальства» вышел из-за стойки и направился в их сторону. – Но если ты не против, давай-ка сейчас поднимемся ко мне в номер, заварим по чашечке кофе и вот тогда-то уже обо всем переговорим.

* * *

Вячеслав Иванович смог заснуть только к утру. Мозги расслаивались от мешанины той информации, которая свалилась на него за прошедший день и которую он пытался свести к страшному знаменателю – к гибели Евдокима Чуянова. Однако более всего его душу растеребил ночной разговор с Юнисовым, который, оказывается, еще до назначения Чуянова начальником боровской «семерки» владел оперативной информацией, которую надо было проверять и перепроверять, однако бывший начальник «семерки» и его покровители смогли создать такую обстановку на зоне и в Боровске, блокировав при этом Боровской уголовный розыск, что посторонним туда вход был воспрещен.

По той информации, которой владел Юнисов, можно было сделать вывод, что именно «семерка» являлась основным источником повышенной криминальной обстановки, которая захлестнула не только районный центр, но и выплеснулась за его пределы. Зерно надежды исправить создавшееся положение внесло назначение Чуянова новым начальником колонии, но благим мыслям не суждено было сбыться. Как только Евдоким попытался разобраться в том, что же на самом деле творится в его хозяйстве, причем он даже не скрывал своих намерений навести на зоне порядок, как вдруг… полувзбесившийся отморозок с финкой в одной руке и с за-

точкой за голенищем сапога нанес ему смертельный удар в спину.

Но и это еще не все.

Оказывается, на другой день после гибели Евдокима поползли самые невероятные слухи о «кровавой месиловке» в «семерке», которая едва не закончилась столь же кровавым массовым побегом. И виной всему, мол, недавно назначенный начальник колонии, который из-за своей полнейшей некомпетентности и незнания специфики и законов боровской зоны смог допустить подобный взрыв эмоций среди «дошедших до полной ручки» заключенных и сам же подставился под заточку «доведенного до отчаяния» заключенного.

Ни Рябов, ни Юнисов не знали, кто успел распустить слушок о том, что именно полковник Чуянов явился источником «взрывоопасной ситуации» в «семерке», за что и поплатился своей собственной жизнью, однако ни тот, ни другой не сомневались в том, что это было выгодно кому-то не только в администрации колонии, но и в самом районе.

Также Юнисов сказал и о том, что владеет непроверенной пока что информацией, будто кое-кто из контрактников и офицеров боровской «семерки» давно снюхались с южанами и уже давно прикормлены ими, в результате чего южане почувствовали себя на зоне едва ли не полновластными хозяевами. Через них же на зону поступает и наркота.

– И если, – подвел итог Юнисов, – все это суммировать,

да и не только это…

– Евдоким знал о спайке южан с контрактниками? – опустив слово «офицеры», спросил Грязнов, думая в то же время о том, что сам Евдоким ему ни о чем подобном не говорил.

– По крайней мере, я его сам об этом предупреждал. Едва ли не сразу, как он принял колонию.

– И что?

– Ты же знаешь Евдокима. Он не принимал каких-либо серьезных решений, пока сам во всем не разберется.

Да, в этом был весь Евдоким Чуянов, каким его знал Грязнов. И эту черту его характера уже невозможно было исправить.

– Ну, а от меня-то вы чего хотите? – спросил Грязнов, когда Юнисов выложил все свои соображения относительно боровской «семерки» и той криминальной ситуации, которая сложилась в районе. – Я-то вам чем могу помочь?

Припоминая этот момент разговора, Вячеслав Иванович усмехнулся невольно. Олег как бы даже стушевался, после чего достал из багажной сумки непочатую бутылку любимого Грязновым армянского коньяка и, не спрашивая согласия гостя, наполнил рюмки.

– Чем, говоришь, помочь можешь? Да хотя бы тем, что возьмешь на себя негласное расследование убийства Евдокима. Я имею в виду истинную подоплеку этого убийства.

Судя по всему, выражение лица у Грязнова было на

тот момент, мягко говоря, удивленным, и Юнисов добавил, вздохнув:

– Насколько мне известно, в «семерке» тянут лямку и твои земляки, я имею в виду москвичей, так что, думаю, вам бы…

Вячеслав Иванович едва не рассмеялся, выслушав это предложение.

– Да ты хоть понимаешь, о чем говоришь?! Взять на себя расследование, которое не может вытянуть даже следственная бригада со всеми своими возможностями? Да и вообще, как ты все это себе представляешь?

– Оттого и вытянуть не могут, что это слишком ведомственная, к тому же зашоренная узковедомственными условностями бригада, которую одновременно давят и Москва, и Хабаровск. А ты, с твоим-то опытом и возможностями…

– Какие, к черту, возможности?! – взорвался Грязнов. – Сам же говорил, что в Боровске и на зоне сложилась такая обстановка, что только и остается вывесить плакат «Посторонним вход воспрещен!». И если даже Рябов со своими операми…

Он замолчал, надеясь, что Юнисов спустится в конце концов с небес на землю и уже более трезво оценит возможности удалившегося от оперативной сутолоки генерала, однако полковник продолжал гнуть свою линию:

– Повторяю для особо упрямых. Мои убоповцы и рябовские опера в этом городке, что вошь на белом гребешке.

Просматриваются со всех сторон, и на каждый их чих последуют два предупреждающих выстрела. Ты еще, видимо, не знаешь, насколько влиятелен в Хабаровске да, пожалуй, и в Москве, Рогачев, местный глава администрации. Можешь не сомневаться в том, что он способен нейтрализовать любую оперативную разработку, затеянную мной или Рябовым… А ты здесь вроде бы нейтральный человек, близкий друг Чуянова и в то же время столичный генерал, которого не устроил официальный вывод столичной комиссии. Ты решил сам покопаться в причинах столь откровенной ненависти убийцы к хозяину колонии.

– Допустим, – вынужден был согласиться Грязнов. – Но что даст весь этот маскарад? Единственное, что я смогу сделать при таком раскладе, если, конечно, руководство краевого УИНа и администрация «семерки» пойдут мне навстречу, это всего лишь пощупать зону, в чем я сомневаюсь.

Юнисов поднял свою рюмку и пригласил Грязнова последовать его примеру.

– Говоришь, «всего лишь»? Хорошо живете, товарищ генерал.

– Не понял!

– А чего тут понимать? Если бы удалось пощупать зону и попытаться выявить ее завязки с теми, кто оседлал чиновничьи кресла в районе и в Хабаровске, тогда, глядишь, мы смогли бы потянуть за нитку и всю цепочку. А она, судя по всему, своими корнями уходит в российско-китайскую ак-

ционерную компанию «Алтынлес». Хотя не исключена возможность, что и повыше.

– То есть, в краевые структуры?

– Да. Хотя также не исключаю возможности, что в этом деле задействована и Москва.

– И ты что же думаешь, что подобное могло твориться и при Чуянове?

Юнисов отрицательно качнул головой.

– Исключено! И как только это осознали те, кому он мешал своим присутствием в «семерке», сам понять должен…

– Ты хочешь сказать, что гибель Евдокима – это все-таки хорошо спланированное убийство?

– Не знаю. – Юнисов развел руками. – По крайней мере, не могу этого утверждать. Однако очень бы хотел прояснить все до конца.

– Но ты же понимаешь, что я не могу так вот просто сказать ни «да», ни «нет»!

– Само собой, – устало произнес Юнисов. – Оттого и даю тебе время подумать до утра. Но учти, и я, и Максимов очень бы хотели надеяться на твою помощь.

* * *

Сравнительно небольшой ритуальный зал не смог вместить всех, кто приехал в Боровск проводить в последний путь полковника Чуянова, и поэтому самые главные слова

говорились уже после того, как на боровском погосте отгремел салют почетного караула и автобусы привезли людей в ресторан, где был накрыт поминальный стол. Говорили много и долго, тем более что бутылки с водкой, вином и коньяком никто не считал, и только Грязнов не произнес ни слова, уткнувшись отсутствующим взглядом в свою тарелку. Время от времени он поднимал рюмку и молча пил водку, мысленно поминая Евдокима, который все это время словно стоял перед его глазами. Живой и невредимый, и в то же время язвительно-снисходительный, когда над столом поднимался кто-нибудь из администрации боровской «семерки» и начинал говорить, каким необыкновенным начальником колонии был Евдоким Савельевич и как много он мог бы сделать для колонии, не случись вдруг эта беда.

– С-с-суки! Суки подколодные! – неожиданно для себя пробормотал Грязнов и невольно дернулся, глядя по сторонам.

Однако народ был занят сам собой, и он кивнул сидевшему неподалеку Юнисову, приглашая его «проветриться».

Боровск утопал в вечерней теплой неге, а душа словно разрывалась от той сосущей тоски, которая не отпускала Грязнова с того самого дня, когда он узнал о гибели Чуянова. Видимо, понимая его состояние, Юнисов молча шел по аллейке, и только когда Грязнов пробормотал негромко: «Хорошо, я попробую», – повернулся к нему лицом.

– Я не сомневался в этом. Как, впрочем, и Максимов тоже

не сомневался.

– Значит будем дудеть в одну дуду, – подытожил Грязнов. – Теперь по делу. Мне, видимо, придется какое-то время пожить в Боровске, к тому же нужны будут некоторые полномочия. Так вот, хотел бы спросить, как все это вы с Максимовым представляете?

– Без проблем! Жить будешь в гостинице, в отдельном номере, а насчет полномочий… Полномочия будут.

– Что ж, пожалуй, сгодится и такой вариант, – Грязнов кивнул. – В таком случае, я постараюсь как можно быстрее утрясти свои дела в Пятигорье, а вы за это время подготовьте полную раскадровку по убийце. Я имею в виду Калистратова. Кто он и что он, а также неплохо бы посмотреть уголовное дело.

Он замолчал, вспоминая, не забыл ли чего, и тяжело, словно взваливал на себя неподъемный груз, вздохнул:

– Пока вроде бы все. Ну, а дальше…

– Насколько я понял, ты сейчас возвращаешься в Пятигорье?

– Само собой. Во-первых, надо закруглить кое-какие дела с промысловиками, во-вторых… Короче, сам знаешь, что Полуэктов сейчас в больнице, а Ходус вылетел в Москву и пробудет там неизвестно сколько.

– Пушной аукцион?

– Хуже. Очередное толковище относительно поставок нашей пушнины. Сам понимаешь, пока он не вернется, мне

придется тащить все хозяйство на себе.

Глава 4

Обвисшие и словно уставшие от майской жары, навалившейся на дальневосточную тайгу, вертолетные лопасти вздрогнули, распрямляясь, набирая скорость, сделали оборот, другой… Огромная, дребезжащая стрекоза качнулась на мощных шасси и, взбивая лопастями пыль, оторвалась от взлетной площадки, взяв курс в верховья Боровой.

Грязнов потрепал по вздыбившейся холке Агдама и со злостью сплюнул на прибитую пылью траву, провожая глазами вертолет.

– Тихо, Агдам, тихо! – успокоил он заскулившего кобелька, который лучше кого бы то ни было чувствовал малейшее изменение в настроении своего хозяина, и медленно побрел в сторону березового подроста, за которым просматривались потемневшие от времени, рубленные из вековых лиственниц и сосен избы Пятигорья.

Настроение у Грязнова действительно было сверхпаскудное. И теперь он материл себя последними словами, что не был готов к приему «гостей», мать их в хвост и в гриву! А ведь мог бы и заранее сориентироваться…

Он уже знал, что если к утру начинает ныть простреленная в далекой оперативной юности нога и тревожная боль острыми коготками вгрызается в задетую пулей кость, значит, жди днем или обложного промозглого дождя, или ка-

кой-нибудь иной пакости. Причем эта старая и, казалось бы, давно забытая рана вдруг напомнила о себе именно здесь, в Пятигорье, и он порой даже удивлялся этому. У других бедолаг переломанные или простреленные кости напоминали о себе лишь к перемене погоды, а его нога вдруг обрела свойства не только барометра, но и какого-то психологического индикатора, который практически не давал сбоев. И если к утру начинала тревожить старая рана, то жди, товарищ Грязнов, неприятностей. Вот как сегодня…

Проснувшись от назойливого звона осатаневших комаров, которые к утру даже сквозь оконную сетку ухищрялись набиваться в избу, он поднялся с постели и вышел на крыльцо, где к нему тут же бросился Агдам. Потрепал его по загривку и полной грудью вдохнул настоянный за ночь, пьянящий хвойный воздух.

Окаймленная тайгой горная котловина, по дну которой вытянулось обрамленное огородами село, была залита поутреннему пронзительно-звенящими солнечными лучами, пробивавшимися сквозь вершинки вековой тайги, крона которой также розовела радостной подсветкой. И ничто, даже отдаленно, не напоминало ни о близкой перемене погоды, ни тем более о тучах обложных, которые порой накрывали котловину, словно чугунную сковородку крышкой, чтобы обрушиться потом на Пятигорье мутными потоками ливня.

Вот тогда-то и призадуматься бы ему о занывшей ноге, а он, будто заколдованный этой пьянящей таежной красотой,

стоял на крыльце, повернув лицо к восходящему над таежной кромкой солнцу, вдыхал пьянящий хвойный воздух и не мог надышаться.

О своем «барометре», сработавшем на «ухудшение погоды», вспомнил чуток позже, когда ему прозвонился помощник главы администрации Боровского района и тоном, не терпящим возражений, заявил, что в Пятигорье с часу на час прилетят гости и, в силу того, что Яков Моисеевич Ходус улетел в Москву, принимать этих гостей будет он, главный охотовед Грязнов. Правда, не уточнил, сучонок, что за гости решили навестить хозяйство и с какой целью.

Да, «барометр» сработал, но он даже не отреагировал на него. И только когда на землю спустился по трапу САМ, хозяин Боровского района Никита Макарович Рогачев, затем довольно высокий моложавый китаец, с иголочки одетый во все европейское, еще какой-то представительный туз, в котором можно было угадать чиновника из краевого центра, и уже после них – генеральный директор российско-китайской акционерной компании «Алтынлес» господин Полунин, Грязнов понял, о каких гостях говорил помощник Рогачева.

Слухи о том, что акционеры нацелились не только на елово-пихтовый лес, предмет жарких споров и волнений, но и на кедровые массивы, не затихали в районе с зимы, однако к этой дикости, граничащей с преступным произволом, в Пятигорье относились как к зловредному провокационному

слушку, запущенному для того, чтобы до конца озлобить и без того взвинченных охотников. Эти кедровые массивы все еще кормили зверя в срединном течении реки Боровой, территории, которая принадлежала зверопромхозу «Пятигорский». И теперь грозили свести на нет остатки реликтового дальневосточного кедра… Как видно, дыма без огня действительно не бывает, и эту истину еще раз подтвердили гости, которые сплоченной стайкой шли от вертолета.

В памяти, словно довесок к той боли, что донимала ногу, всплыл рассказ Акая Тайгишева о том, что российско-китайские акционеры уже давно положили глаз на нетронутые пока кедровники, распиловкой которых должен заняться деревообделочный комбинат, вотчина господина Рогачева.

Видимо, уловив настороженный взгляд главного охотоведа, на которого глава районной администрации уже должен был собрать полное досье, в чем Вячеслав Иванович даже не сомневался, Рогачев выдавил на своем широченном лице нечто похожее на доброжелательную улыбку.

– Ну, здравствуй, генерал! Надеюсь, предупрежден о нашем визите?

Судя по всему, он не очень-то рассчитывал на дружеские объятия со стороны Грязнова и в то же время, насколько мог догадываться Вячеслав Иванович, надеялся на более теплую встречу. Хотя бы в глазах хабаровского чиновника и китайца, который, видимо, представлял китайскую сторону совместного предприятия. Отсюда, видимо, и панибратски-фа-

мильярное «здравствуй, генерал», хотя до этого они никогда не встречались друг с другом.

– Утром прозвонились, – не очень-то приветливо отозвался Грязнов, пропустив мимо ушей «генерала».

Откровенно недовольный столь пренебрежительным отношением к себе со стороны отошедшего от дел ментовского генерала, который не нашел ничего лучшего, как зарыться в таежной глухомани, что уже говорило о многом, Рогачев резюмировал сквозь зубы:

– Значит, ты предупрежден и в курсе принятого решения?

Грязнов хотел уж было посадить хозяина Боровского района, напомнив ему, что на брудершафт они вроде бы еще не пили, чтобы переходить на «ты», однако его насторожила фраза, как бы мимолетно брошенная Рогачевым.

– Что еще за решение? – не понял он.

– Разве не в курсе? – удивился Рогачев. – Что ж, придется просветить.

Грязнов слушал витиеватую речь Рогачева, и в его сознании формировался образ бывшего партийного чиновника краевого значения Никиты Макаровича Рогачева, который курировал свою часть лесопромышленного комплекса Хабаровского края. Как и в те, казалось бы, давно забытые времена, он манипулировал обобщающе-многозначительными фразами, в большей степени рассчитанными на китайца. Но и от этого могли заныть зубы. Однако когда он произнес фразу: «В Хабаровске принято решение, поддержанное Моск-

вой…», – Вячеслав Иванович вдруг почувствовал, как спина под рубашкой заливается потом.

«Решение, поддержанное Москвой…»

Конечно, это могло быть и полнейшим блефом со стороны того же Рогачева и его хабаровских подельников, которые задницы свои рвали, чтобы только оттяпать для порубки наиболее лакомые участки дальневосточной тайги. И в то же время пролоббированные администрацией Боровского района и китайцами, которые имели своих агентов влияния по всему Дальнему Востоку, хабаровские чиновники действительно могли принять решение относительно кедровых массивов, на которые еще в годы полного беспредела покушались особо ретивые лесозаготовители. Но лес тогда все-таки удалось отстоять.

В это не хотелось верить. И в то же время для многих чинуш и законодателей, которые творили, что хотели, боровские кедровники оставались бельмом на глазу. Таежные запасы края, чудом не разбазаренные в девяностые годы повального беспредела, уходили теперь направо и налево, за счет чего обогащалась кучка дальневосточных «олигархов», и, естественно, чудом уцелевшие кедровники не давали спокойно спать многим из них. А тут как раз и подвернулся многоопытный и жадный до денег глава администрации Боровского района, ратующий за углубление развития российско-китайских отношений.

Все эти мысли в мгновение ока прокрутились в голове

Грязнова, однако он заставил себя успокоиться и негромко произнес:

– Не понимаю… какого еще решения? Мне действительно звонил ваш помощник, предупредил о вашем прилете, а что касается всего остального…

И он широко развел руками. Мол, не обессудьте, господин хороший, но если чего не знаю, значит, не знаю.

Рогачев покосился на стоявших рядом людей, которых, видимо, заранее предупредил, что разговаривать с бывшим генералом будет лично он сам.

– Ты того… не в Москве. И нечего здесь дурочку гнать. И о каком решении идет речь, прекрасно знаешь.

Едва сдерживая себя, чтобы не сорваться, Грязнов покосился на Агдама. Тот, почувствовав угрожающий тон незнакомого ему человека, также угрожающе обнажил клыки. Грязнов произнес негромкое «фу!» и, решив, что «дурочку» гнать действительно не стоит, негромко произнес:

– А что?.. Кем-то уже принято решение о кедровых массивах на Боровой?

– Не кем-то, а соответствующими лицами в администрации губернатора края, – с внутренним удовлетворением продиктовал Рогачев. – И не только по кедровым массивам, но и по елово-пихтовому лесу.

По голосу чувствовалось, что он пытается скрыть свое удовлетворение, но не может.

– И что… уже подписано губернатором?

– Будет подписано! – на долю секунды замешкался Рогачев, чего не мог не заметить Грязнов.

– Но ведь это же… это же – самое настоящее преступление! Преступление на государственном уровне! И я не верю…

– А мне плевать, веришь ты или не веришь! – негромко, но так, чтобы мог слышать только Грязнов, сквозь плотно стиснутые зубы процедил Рогачев. – И не тебе судить об этом! «Преступление… на государственном уровне…». Ты бы лучше о преступлениях на государственном уровне в своей Москве думал, когда кресло генеральское занимал. А сейчас, когда тебя с кресла генеральского погнали и в моем районе приютили…

Его крупное лицо и столь же мощная шея налились багровой краской, и казалось, что еще секунда-другая, и Рогачева хватит удар. Впрочем, не лучшим образом чувствовал себя и Грязнов.

– Ну, положим, относительно моего генеральского звания – это не твоего собачьего ума дело, – также негромко произнес Грязнов. – А вот насчет всего остального?.. Как говорится, будем посмотреть. Утро вечера мудренее.

Рогачев молчал, сверля лицо пятигорского охотоведа буравчиками потемневших глаз. Будь на месте бывшего генерала кто-нибудь другой, даже тот же Полуэктов, он бы сгноил его, не отходя от кассы, но в данном случае было нечто иное, непонятное, и окончательно портить с бывшим гене-

ралом отношения, видимо, не входило в планы «главы». Лицо Рогачева дернулось в вымученной гримасе, и он заставил себя улыбнуться:

– Ладно, прости за сказанное и забудь. Уже который день сам не свой хожу. Прости и разотри… – Рогачев замолчал было, покосившись на Грязнова, и уже совершенно миролюбиво добавил: – Мы сейчас в верховья летим, на кедровники, чтобы нашим партнерам показать. Полетишь с нами? Как официальный представитель «Пятигорья».

– Увольте, – Грязнов качнул головой. – Дел невпроворот, да и контору оставить не на кого. Ходус по пять раз на день звонит, уточняя цифры по пушнине, так что давайте как-нибудь в другой раз.

Ему тоже не хотелось показывать зубы главе Боровского района, и тому были свои причины.

* * *

Грязнов подходил к «бревенчаку», в котором размещалась контора хозяйства, когда его остановил негромкий окрик:

– Иваныч! Погодь-ка.

Обернувшись, увидел спешащего к нему Василия Крылова, потомственного охотника-промысловика, прадеды которого бог знает с каких времен осели на берегах Боровой, непомерно богатой когда-то и зверем, и рыбой, и боровой

птицей.

– Ну? – неохотно отозвался Грязнов, догадываясь, зачем он мог понадобиться Крылову. Еще утром, на планерке-пятиминутке, он озадачил всех бригадиров планами по консервации охотничьих заимок, все вопросы были утрясены.

В своем предчувствии он не ошибся.

С силой тиснув ладонь главного охотоведа, хотя уже и здоровались вроде бы утром, немногословный Крылов неожиданно закашлялся и как-то снизу вверх скользнул по Грязнову настороженно-прощупывающим взглядом. Словно разглядывал запорошенную снежком крону кедра с затаившейся в ней белкой.

– Ты того, Иваныч, – прокашлявшись, пробубнил Крылов, – не обижайся, ежели чего, но…

– Ну? – поторопил его Грязнов.

– В общем, того… Мужики наши послали спросить тебя, правда ли, что слушок идет, будто наши кедровники по Боровой… И что эти, которые вертушкой прилетели…

– А откуда слушок-то идет, если не секрет, конечно?

– Да какой там, на хрен, секрет! – Крылов махнул рукой. – От наших же и идет. У Сереги Нестерова свояк в лесном департаменте работает, так вот он и рассказал ему; правда, по большому секрету. Будто бы решение это уже подготовлено, и осталось только подписать у кого-то. Ну, мы-то, само собой, думали поначалу, что все это – брехня, заливает Серега, но сейчас… когда сам Рогачев с китайцами прилетел…

«Выходит, не только Тайгишев об этом знал, но и пятигорских промысловиков этот слушок коснулся, – резюмировал Грязнов. – И только он один, будто зарывшийся в песок головой страус…»

– Думаю, что правда! – вынужден был признаться Грязнов. – Хотя я сам, честно говоря, только сегодня об этом услышал.

Видимо, не ожидавший столь откровенного ответа или же все еще надеявшийся, что слухи эти так и останутся слухами – вон сколько при советской власти коммунизм обещали, а на деле-то вышло все наоборот, – Крылов вскинул на Грязнова заросшее кустистой бороденкой лицо.

– Но как же так? Иваныч! Ты же грамотный, сам понимать должен. Ежели кедровники, а заодно и ель с пихтачом вырубят, то нам же всем здесь хана! Охотникам! Да и всему Пятигорью. Нам же здесь… тем, которые тайгой живут, да и государству…

И замолчал, уставившись широко открытыми глазами на Грязнова. Словно все свое красноречие исчерпал. И только в глазах его читался невысказанный вопрос: «А ты-то чего молчишь? Ведь это ты первым должен был во все колокола забить. А ты…»

«Что ж, может, ты и прав, Крылов», – мысленно согласился с ним Грязнов, однако вслух произнес:

– В панику пока что вдаваться нечего, она еще никого до добра не доводила.

– Да как же так?! – вскинулся Крылов. – Наши потомственные угодья под топор, а мы…

– А вот так! – осадил его Грязнов. – Если кто-то что-то где-то решил, то это еще не факт, что решение это правильное и мы на него согласимся.

Посмотрел на взъерошенного охотника, бороденка которого уже начинала трястись от злости, и более спокойно добавил:

– Тем более что все это только слухи, и я еще сам ничего толком не знаю. Погодь немного. Вернется Ходус, тогда и разбираться начнем.

– А не поздно будет? – засомневался Крылов.

– Нет.

– А эти? – хмуро буркнул Крылов, кивнув в сторону густо-зеленой сопки, за вершинкой которой уже скрылся вертолет. – Они ж на кедровники полетели.

Старающийся скрыть состояние нарастающей тревоги Грязнов только плечами пожал.

– Пускай потешатся да разомнутся малость. А вот насчет рубки и всего остального… не будем торопиться.

Он замолчал, не зная, чего мог бы обещать пятигорцам в подобной ситуации, однако надо было что-то говорить, и он хмуро произнес:

– Время покажет.

И вновь поймал на себе прощупывающий взгляд потомственного промысловика.

– Время… – буркнул Крылов. – Порой так бывает, что упустишь ненароком это самое время, так не то чтобы соболишку какого-никакого взять, но даже без хвоста беличьего остаться можно. Время… мать бы его в дышло!

– Не упустим! – начиная злиться на Крылова, который сумел-таки зацепить его за живое, процедил Грязнов. Потрепал по холке заволновавшегося Агдама и повторил: – Не упустим! Могу обещать тебе.

Крылов покосился на охотоведа и снова негромко откашлялся, будто у него в горле першило.

– Я-то тебе, Иваныч, верю, да и остальные мужики верят. Ты хоть и генерал, но все-таки свой человек, нашенский. А вот насчет того, не полетят ли брызги, если начнешь ссать против ветра, вот это, я тебе скажу, вопрос.

– Ничего, – хмыкнул Грязнов, – не привыкать.

* * *

Рабочий день явно не заладился, и Грязнов, обложившись в своем кабинете картами ближних и дальних охотничьих угодий, растянувшихся по реке Боровой, мысленно возвращался к рассказу Акая Тайгишева, который еще вчера воспринимался как нечто отвлеченное, но теперь приобретал совершенно иное, реальное звучание.

«А гнильца-то препаскудная даже сюда добралась, в Боровск. Но ничего-ничего, дай-то Бог, управимся и с этой за-

разой. Не позволю опустить зону».

Эти слова были сказаны Акаю Евдокимом, когда они коротали вечер у таежного костра.

За поминальным столом Грязнов не придал особого значения этой фразе Евдокима, которая отчего-то врезалась в память Тайгишева, только спросил: «А с чего бы это Евдоким мог сказать подобное? Про опущенную зону и прочее. У вас что, разговор какой до этого был?»

«Да вроде бы поначалу ни о чем особенном не говорили, – ответил Тайгишев. – Так, про охоту да про житье-бытье. Помню, выпили неплохо, после чего чаек заварили, и я пожаловался ему на то, что на наши кедровники фирмачи из «Борлеса» нацеливаются. Теперь уже ни для кого не секрет, что производственные мощности деревообрабатывающего комбината они превратили в свою опорную базу, и стоит за этим беспределом глава Боровской районной администрации Рогачев. И вот тогда-то, – вспомнил Тайгишев, – Евдоким и произнес те самые слова о зоне…»

«Не позволю опустить!»

Восстанавливая в памяти разговор с Тайгишевым, Вячеслав Иванович уже не сомневался в том, что этот крик души об «опущенной» зоне и рубка кедровников по реке Боровой как-то связаны друг с другом, да вот только знать бы как.

Грязнов не сомневался, что Евдоким Чуянов стал предпринимать, а возможно, даже и предпринял какие-то экстренные меры, и тот факт, что вскоре после ночного разго-

вора у костра Чуянов был убит, говорил сам за себя. Будучи многоопытным опером и пообщавшись на своем веку не с одной сотней зэков, Грязнов не верил в случайность происшедшего и злился на себя за то, что ровным счетом ни-чего не может предпринять в этой ситуации. Ему не хватало не только «развязанных рук» и свободы следственно-оперативных действий, о чем, правда, он даже мечтать не мог, но даже требуемой оперативной информации, которая могла бы вывести его на зацепку истинной причины убийства Евдокима.

Понимая, что, сидя в своем Пятигорье, он ровным счетом ничего не добьется, Грязнов откинулся на спинку рабочего полукресла, и его взгляд остановился на мобильном телефоне, которым была прижата карта девятнадцатого квадрата. К его великому удивлению, сигнал поспел без каких-либо помех, и когда послышался басок Юнисова, Грязнов в двух словах напомнил ему о своей просьбе, обозначенной коротеньким предисловием.

Если, мол, господа-товарищи из краевого УВД хотят, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, ему, Грязнову, необходимо проникнуться личностью Калистратова, точнее говоря, проявить психологический портрет отморозка-беспредельщика, решившегося поднять нож на хозяина колонии. Для этого необходимо иметь на руках его уголовное дело, и, возможно, придется лично допросить убийцу.

– Без проблем, – мгновенно отреагировал Юнисов. – Завтра же утром все, что касается Калистратова, будет достав-

лено тебе с нарочным. Что же касается допроса… В любое удобное для тебя время.

– Хорошо. Теперь еще одно. Ты не мог бы ковырнуть личность Рогачева?

– То есть, дать на него полную выкладку? – уточнил Юнисов.

– Ну, насчет полной, – Грязнов хмыкнул, – это, думаю, тебе не удастся, а вот познакомиться с ним я хотел бы поближе.

Вторым телефонным звонком, который в этот же день сделал Грязнов, был звонок в Москву, на мобильник и. о. генерального директора зверопромхоза «Пятигорский» Ходуса. Догадываясь, что навязанный Москвой бывший коммерческий директор завязан на теневые структуры российской пушнины, он решил использовать и этот фактор для спасения кедровников по Боровой и елово-пихтовой тайги. Богатые пушным зверьем дальневосточные кедровники – основное место обитания того же соболя, и ему грозило уничтожение под корень…

Смышленый Ходус мгновенно проникся сутью вопроса и единственное, что уточнил:

– Это точно, что готовится решение по Боровой?

– Уже подготовлено. Не хватает только последней подписи. Видимо, не могут распилить предстоящий навар.

– С-с-суки поганые! Халявой нажраться не могут, – пробормотал Ходус и замолчал надолго, видимо, обмозговывая создавшуюся ситуацию. Наконец произнес негромко: – Ты

вот что, Вячеслав Иванович, поднимай на ноги промысловиков, а мы в Москве что-нибудь закрутим…

Глава 5

Привыкший за годы сначала комсомольской, а затем и партийной работы к постоянным командировкам по краю, которые в советское время стали для него едва ли не образом жизни, Никита Макарович Рогачев перешел на более «оседлый» образ жизни и даже жирком малость заплыл, заняв достойное кресло в администрации губернатора края. Однако он вовремя понял, что губернатор не вечен и пора бы ему самому позаботиться о собственных тылах. И тогда он занялся созданием совместных с иностранным капиталом фирм и фирмочек, из-за чего вновь пришлось мотаться по лесным районам, присматривая наиболее лакомые участки тайги. Конечно, пятьдесят четыре года – это не сорок и даже не пятьдесят, годы напоминали о себе то покалыванием в сердце, то еще какой-нибудь напастью, но он все еще чувствовал себя довольно крепким мужиком настоящей сибирской закваски и не собирался уступать подпирающей снизу и наваливающейся сверху молодой, но откровенно наглой и нахальной поросли. Конечно, можно было бы и пощадить себя малость, однако с каждого ЗАО, ООО и АО он имел неплохой навар. Пора уже было позаботиться и о собственных тылах. Урок с развалом Советского Союза, когда большая масса чиновников от партии осталась при своих интересах и, казалось бы, уверенные в своем счастливом будущем

мужики стали вдруг похожи на тех несчастных бедолаг в общественной бане, у которых украли из шкафчика не только дубленку с пыжиковой шапкой, но и штаны с кальсонами, не прошел для него даром. Он желал иметь свой собственный надежный источник пополнения семейного бюджета, чтобы не ломать голову над тем, чем лично для него и его семьи закончится очередная смена власти.

Российско-китайское предприятие «Алтынлес», созданное при прямом содействии Москвы, но фактическим владельцем которого являлся именно он, Никита Макарович Рогачев, и было тем самым «золотым полем» в колхозе дураков, которое он намеревался окучивать, случись вдруг в крае очередная смена декораций.

С Боровой Рогачев вернулся словно выжатый лимон. Впрочем, было бы странным, если бы вдруг он почувствовал себя молодым и здоровым, выбираясь из опостылевшего вертолета и с трудом разминая затекшие ноги. Почти полдня тряски в дребезжащей машине, заполненной гулом, от которого закладывало уши, могли вымотать любого и каждого, однако Рогачев все-таки заставил себя собраться и вместо того, чтобы прямо с аэродрома поехать к сестре, которая после кончины своего Ивана Ихтеева вдовствовала теперь в огромном доме в самом центре Боровска, отправился в офис «Алтынлеса».

Создавая с китайской компанией совместное предприятие, Никита Макарович хотел поначалу обосновать в Хаба-

ровске центральный офис, но, здраво поразмыслив и взвесив все «за» и «против», решил закрепиться в своем родном Боровске, где у него оставались надежные, временем проверенные связи. А на Руси не зря говорят, что в родном доме и стены помогают. К тому же это было выгодно чисто географически и экономило значительные средства СП. И еще один немаловажный фактор.

Когда с китайцами уже были подписаны все документы и встал вопрос о площадях под офис, которые должна была обеспечить российская сторона, ему тут же пошел навстречу директор Боровского деревообделочного комбината и выделил под офис «Алтынлеса» третий этаж кирпичного здания заводоуправления, потеснив при этом какие-то свои службы. Помнил Павел Петрович Проклов ту услугу немалую, когда Рогачев помог ему стать директором ДОКа, сбросив с насиженного кресла прежнего директора. И как только ему предоставилась возможность, платил услугой за услугу… Впрочем, относительно этого комбината, производственные мощности которого не успели растащить на металлолом в страшные девяностые годы, у Рогачева были свои собственные соображения.

При комбинате, ворота в ворота, еще в пятидесятые годы была создана колония с практически бесплатной рабсилой. И теперь он хотел сделать едва не обанкротившийся ДОК базовым предприятием «Алтынлеса»… Короче говоря, планов было громадье, и дело оставалось за малым. Заставить

работать на себя Боровской район со всеми его мощностями и таежными угодьями. Ну, а кто воспротивится или попытается брыкаться, как тот же Акай Тайгишев, с тем разговор будет короткий. За свои неполные пятьдесят пять лет, из которых более тридцати было отдано служению комсомолу и партии, а потом – новому рыночно-демократическому строю, Никита Макарович Рогачев прошел суровую школу жизни и сумел-таки остаться на плаву, хорошо зная, что отступать некуда.

Не застав Проклова на месте – времени было уже без четверти шесть, Рогачев поднялся на третий этаж заводоуправления и был приятно удивлен, увидев приоткрытую дверь в бухгалтерии «Алтынлеса». Оставаться в это время в бухгалтерии могла только Раиса, жена Полунина, которой он, Рогачев, предложил должность главбуха компании, как только сам Полунин согласился официально возглавить компанию, а на деле – работать на него. По крайней мере, именно так думал сам Полунин и все, кто работал в «Алтынлесе». Что же касается истинной причины того, что многопрофильный и опытный бухгалтер Полунина бросила вдруг комфортный Хабаровск, где учились в университете ее сын с дочерью, и поперлась за мужем в таежную глухомань… кроме Рогачева и ее самой больше не знал никто. Не догадывался и Полунин.

Заглянув в щелку приоткрытой двери и увидев модную стрижку сидевшей к нему спиной женщины, Рогачев непроизвольно расплылся в довольной ухмылке и вдруг почув-

ствовал, как уходит, словно испаряется, накопившаяся за день усталость, куда-то уплывает раздражение от того, что не все ладится с кедровниками по Боровой. Воровато оглянувшись, он на цыпочках прокрался в комнату бухгалтерии и приобнял вздрогнувшие от неожиданности плечи.

– Ты?! – счастливо выдохнула Раиса, повернувшись к нему всем телом.

– А что? – наигранно удивился Рогачев, касаясь губами ее прибранных волос, от которых сладостно пахло чем-то возбуждающим. – Еще кого-то ждала?

– Дурачок! – Раиса покосилась на дверь, поцеловала Рогачева в губы. – Хотя… впрочем, почему дурачок? Ты и должен ревновать меня, да в руках держать так, чтобы… – И засмеялась игриво. – А то ведь… Ты не смотри, что я пятый десяток разменяла. На меня и молодые еще засматриваются.

– Даже не сомневаюсь в этом, – подыграл ей Рогачев и вдруг снова почувствовал, как чертовски устал за день.

Он вернулся к двери, прикрыл ее поплотнее, сел напротив Раисы и долго смотрел на нее, любуясь точеной головкой, которую украшала молодящая ее стрижка, небольшим аккуратным, немного вздернутым носиком и тонкими чертами ухоженного лица, которое, казалось, неподвластно было подкрадывающимся годам.

Она была чертовски привлекательна и обворожительна, а когда приоткрывала свои розовые, слегка припухшие губки, обнажая жемчужную белизну столь же красивых зубов, вот

тут Никита Макарович мог бы побожиться всеми святыми на свете, что ни один мужик, если только он не импотент потомственный, не смог бы выдержать этого испытания колдовским женским очарованием. Тем самым он пытался оправдать себя перед своей собственной совестью в те редкие минуты, когда вдруг на него накатывало чувство вины и еще чего-то муторного перед Полуниным, мужем Раисы.

– А мой-то где? – вдруг спохватилась Раиса, слегка сдвигаясь в сторону.

– Я его в Хабаровск отправил, вместе с нашим гостем.

И вновь она счастливо засмеялась, прижимаясь лицом к его широкой ладони.

– Устал?

– Очень.

– Кофе сделать?

– И покрепче. Кстати, а выпить у тебя, случаем, не найдется?

Она только хмыкнула на это.

– Для тебя – всегда!

Улыбнулся и Рогачев, сердцем отогреваясь от одной только близости этой волшебной женщины.

– Тогда кофе и водочки.

– У меня только коньяк.

– Господи, так это ж еще лучше!

Раиса медленно поднялась, осторожно высвобождаясь из его сильных рук, которые сдвинулись сначала по ее талии,

потом по бедрам, еще чуть ниже, еще…

– Обожди, дурачок, – прошептала она, продолжая дразнить его своим розовым язычком и слегка влажными, приоткрытыми губками. – Ну подожди же… Еще, не дай-то бог, войдет кто-нибудь.

– Господи, да кто же прийти сейчас может? – бормотал Рогачев, привлекая к себе податливое женское тело, целуя груди и почти задыхаясь от упоительного волшебства дразнящих запахов.

Она чувствовала, что он не улетит в Барнаул, не повидав ее, и приготовилась к этому моменту.

Наконец-то Раиса высвободилась из его рук, нагнувшись, поцеловала Рогачева в макушку.

– Не обижайся. А береженого Бог бережет.

«Это уж точно, – подумал Рогачев, вздыхая, – бережет». И уже когда Раиса доставала из полутемной глубины небольшого сейфа бутылку с коньяком, спросил негромко:

– Что, Олег снова запил? Когда я с ним в вертолете летел, думал, что от одного только перегара задохнусь к чертовой матери. Даже пришлось перед нашим китайцем хвостом крутить. Сказал, что у «господина директора»… Короче, сохранял лицо российской стороны, как мог, только не знаю, поверил ли мужик.

– Снова запил… – отозвалась Раиса, и на ее тонком лице обозначились жесткие складки. – А он и не бросал никогда! Так, малек притормозил, когда вдруг осознал себя хоть

и липовым, но все-таки генеральным директором компании, а когда пообвык немного да пообтерся…

И она безнадежно махнула рукой.

– М-да. Ну, а он хоть не очень… того?.. Светится здесь в пьяном виде?

– Я не позволяю, – глухо отозвалась Раиса, разливая коньяк по рюмкам. Подняла свою и залпом, словно это была водка, выпила коньяк. – Устала я, Никита, очень устала. И от этого непересыхающего пьянства, и от того, что приходится постоянно следить за собой, чтобы, упаси бог, не просочилось чего-нибудь такого о наших с тобой отношениях.

Плеснула в свою рюмку еще глоток коньяка.

– Ну что, Никита Макарыч, за нас с тобой?

Рогачев улыбнулся ей и осторожно, словно боялся пролить коньяк, выцедил свою рюмку.

Поставив пустую рюмку на стол, обнял Раису правой рукой, притянул к себе. Расстегнул пуговки на легкой цветастой блузке и почти зарылся лицом в жаркой груди.

Даже несмотря на то, что Раиса дважды рожала, ее груди были по-прежнему волнующе свежи и упруги, и Рогачеву всякий раз хотелось впиться в них губами и… и утонуть в них навсегда. Это было как наваждение, и он с трудом сдерживал себя, когда в лицо жарким пламенем бросалась кровь.

Обхватив голову Рогачева руками, Раиса прильнула к нему всем телом и почти застонала тихонько:

– Пусти… Ну, пусти же! Я хоть дверь пойду закрою…

Понимая, что он ведет себя, словно мальчишка восемнадцатилетний, и в то же время не в силах заставить себя оторваться от этого податливого бархатного тела, которое также разрывалось в необузданном желании, и осознавая одновременно, что в комнату могут войти уборщица или охранник, он с трудом оторвался от ее груди, облизнул языком пересохшие губы.

– Может… к Олегу… в кабинет?

– Да, конечно, – застегивая непослушными пальцами пуговки на кофте, горячечно прошептала Раиса. – Но сначала… давай еще выпьем.

Дрожащей рукой она наполнила рюмки.

– За нас? За нас с тобой?

– За тебя!

– Нет, только за нас с тобой! И… и пошли. Все! Я и так изголодалась вся, тебя ожидая.

* * *

Уже смеркалось, когда Рогачев отвез Раису Дмитриевну домой. Он еще раз попытался – и снова неудачно – дозвониться до Проклова, и через полчаса загонял посеревший от пыли джип в просторный двор, в глубине которого красовался резными наличниками высоко поднятый вместительный пятистенок, который не так уж и давно являлся олицетворением зажиточной жизни. На высоком просторном крыльце

из струганных дубовых досок его поджидала сестра, которая после смерти своего Ивана томилась одна в этом огромном доме. Для нее возвращение в Боровск «младшенького» брата стало едва ли не самым знаменательным событием в ее жизни, которое не могло не тешить ее самолюбие. Во-первых, он – голова и хозяин всего района, а это уже покруче будет, чем сын-прокурор, который хоть и навещал ее время от времени, однако давно уже стал отрезанным ломтем, а во-вторых… По-бабьи любопытная, еще крепкая в теле и не старая, Степанида не только вела домашнее хозяйство, но старалась также жить заботами и проблемами брата и совала свой нос едва ли не во все его дела. Особенно личные. Жену «младшенького» она возненавидела только за то, что «эта городская фифочка» осталась в Хабаровске, «бросив Никиту на произвол судьбы» ради дочери, которой, видите ли, надо было продолжать учиться в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.